

общее представление о взаимном влиянии искусства и военной сферы жизни общества.

Георгиева Н. Г. Классификация и полифункциональность исторических источников // Вестн. РУДН. 2016. №1. С. 7-19 (Сер. История России).

Рожков А. Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014.

Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50.

Голлербах Э. Ф. Современная обложка. Л., 1927.

Ваганов А. Бумажный носитель. Журнальная обложка – один из любимых объектов исследования ученых // Независимая газета. Приложение «НГ Наука». 2013. 25 декабря.

Полонский В. Русский революционный плакат. М., 1925.

Русская антикварная галерея: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-gal.ru> (дата обращения: 20.08.2018).

УДК 94(470.5).084.3/084.6

А. В. Трофимов

СОВЕТСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ» (1920–1930-е ГОДЫ)

Конструирование советских мифологем на страницах журнала «Крокодил» в 1920–1930-е гг. рассматривается в трех плоскостях: понятийной, императивной и персональной.

В первой из них формируется набор понятий, характеризующих «область света», величие и прогрессивную сущность советского проекта: «социализм», «партия», «смычка», «индустриализация», «пятилетка». «Область тьмы» представлена понятиями: «капитал», «классовый враг», «белогвардеец», «кулак», «нэпман».

Императивный ракурс позволяет выделить мифологические конструкции, призывающие читателей «разрушать старый мир», «не молиться богу», «не верить в благополучие», «отвергать искусство», «преобразить мир капитала», «возглавить народный контроль», «осудить врага народа», «остановить хулигана».

Персоналии, имеющие мифологические черты, представленные на страницах издания, можно разделить на категории: «большие люди»;

«чужие люди»; «культурные люди»; «деятельные люди»; «простые люди».

Ключевые слова: советские мифологемы, журнал «Крокодил», 1920–1930-е годы.

Под коллективными и индивидуальными мифологемами принято понимать слова или словосочетания, выступающие в тексте как имя собственное. «Каждое слово, а мифологема – особенно, помимо своего референциального значения и вне зависимости от того, обладает ли оно сигнификативным значением или нет, в памяти говорящего/ слушающего включено в некоторый круг привычных ассоциаций, понятных только носителю данной культуры. Подобного рода ассоциации могут материализоваться в виде постоянных эпитетов или других слов-спутников, сопровождающих, как правило, появление данной мифологемы в тексте» [Лютман, с. 222]. В советском информационном пространстве практически любая область жизни была «закрыта» той или иной мифологемой, которые работали как стабилизирующий фактор, создавали цепочки эквивалентностей, задавая необходимую иерархизацию общества [Почепцов, с. 373–374]. При формировании в агитационно-пропагандистском пространстве раннесоветской эпохи мифологической картины мира наблюдается стремление опираться на глубинные, неотрефлексируемые представления о грехе и благодати, о рае и аде, присутствующие в персональном и общественном сознании. В атеистической картине мира «раем» назначалось «светлое будущее», «построенный в боях социализм», «ад» был явлен «проклятым прошлым», либо проклятым настоящим – за пределами СССР.

Одним из инструментов «лепки» остывающей «революционной лавы» в четкие смысловые категории, запоминающиеся, устойчивые мифологические образы являлась советская сатира. Конструирование советских мифологем на страницах журнала «Крокодил» в 1920–1930-е гг. можно проследить в трех плоскостях: понятийной, императивной и персональной.

В первой из них происходил отбор мифологических единиц, их сепарация на «область света» и «область тьмы». В набор понятий, характеризующих «область света», величие и прогрессивную сущность советского проекта входили: «социализм», «партия», «советы», «Красная армия», «смычка», «индустриализация», «пятилетка», «генеральная линия» и др. «Область тьмы» на страницах издания представлена понятиями: «капитал», «классовый враг», «белогвардеец», «вредитель», «кулак», «нэпман» и др.

«Пазл» мифологической «области света» строился вокруг основополагающей мифологемы «советский социализм», включающей сово-

купность элементов. Социализм – первая стадия коммунизма, переходная стадия от капитализма к коммунизму. Коммунизм – пролетарский рай, который доступен еще при жизни. Главный принцип социализма (закреплен в Конституции 1936 г.): *«От каждого – по способностям, каждому – по труду»*. Строительство социализма являлось основным занятием граждан РСФСР (СССР). Его цель – осуществить в короткие исторические сроки принципы социального равенства на основе марксистского учения. Успех этого процесса обеспечивается под руководством партии, которая на каждом этапе строительства социализма вырабатывает генеральную линию, регламентирует и регулирует все сферы жизни общества. Попытки скорректировать представления о социализме и способе его строительства в СССР и остальном мире, не относящиеся к генеральной линии, причисляются к оппортунизму [История глазами Крокодила. XX век. Слова, с. 16, 17].

На страже *«советского социализма»* стоит Рабоче-крестьянская Красная армия – «ангел-хранитель» завоеваний Октябрьской революции. *«Красная армия – самый мощный и самый убедительный наш довод в пользу политики мира»* [Крокодил, 1936, № 30, с. 3]. Красноармеец – квинтэссенция положительных качеств трудового народа, это сознательный рабочий или крестьянин. Он одет в шинель или гимнастерку, туго перепоясан, имеет при себе винтовку (пулемет, гаубицу) для защиты Отечества. Красноармеец лишен обычных человеческих качеств. В этом проявляется его «ангельская сущность», он всегда является неожиданно, один его вид приводит в трепет внешнего и внутреннего врага. Воинственный облик дополняет сияющая на буденовке пятиконечная красная звезда. *«Красная армия – первая в мире армия, которая родилась под счастливой звездой: пятиконечной»* [Крокодил, 1934, № 29–30, с. 15]. Функции красноармейца не ограничиваются защитой рубежей Родины. В свободное от боев и маневров время он упорно ликвидирует свою и чужую безграмотность. Рисунок: *Красноармеец изучает за столом труды К. Маркса и И. В. Сталина. Глядя на него, капиталист вопрошает: «А что мы выставим против этого оружия Красной армии?»* [Крокодил, 1931, № 5, с. 8]. Красная армия считается авангардом мировой революции и готова в любой момент прийти на помощь революционному пролетариату в других странах. Реакция на пакт Келлога: *«– Гляди Петров, скоро домой пойдём! С буржуями мирный пакт подписали. – А ты, буржуйской подписи не верь. У них – как в ЗАГСе, сегодня расписались, а завтра – драчка»* [Крокодил, 1929, № 7, с. 1].

Мифологема *«союз рабочих и крестьян, смычка»* характеризовала деревенскую политику партии до начала массовой коллективизации. Миссия рабочего – помочь крестьянину не ошибиться в выборе

и поддержать сельский пролетариат в борьбе с теми, кто переходит в стан классовых врагов. Сначала на селе (в рамках смычки с деревней) силами рабочих ведется агитационная и пропагандистская работа; а вплотную к исполнению своей миссии городской пролетариат приступает с началом массовой коллективизации. «Зимние картинки», опубликованные в 1924 г., показывали цель и скорые результаты смычки.

«1920: Зима. Крестьянин, торжествуя, Катит уездным городком: Его лошадка, ног не чуя, Везет излишки в Упродком. Мороз. Под сенью Наркомпрода Стоит мужицкая подвода. Мужик ругается, бродя, По рынку в поисках гвоздя. Его сынок, смысленный мальчик, Учтя родительскую злость, В чужом заборе ищет гвоздь, Шалун уж заморозил пальчик: – Никак не вырвешь... мудрено! А мат грозит ему в окно! 1924: Зима. Крестьянин, торжествуя (Что ни зима – другой мотив), Спешит, снижение цен почуя, В уездный кооператив. Ворчит посредник, частный фактор. Хандрит кобыла, чуя трактор, Но, презирая плуг и кляч, Ей не сочувствует избач. Вот – пионер, крестьянский мальчик, Коньками режет скользкий скат. Не на “Безбожника” ль плакат Его указывает пальчик? Ему не страшно, а смешно... А ВИК зовет его в ОНО! 1934. Зима. Крестьянин, торжествуя, На “Бенце” обновляет путь. Его машина, ров почуя, С шоссее торопится свернуть. Он, осудив небрежность эту, Спешит в уездную газету, – Чтоб “пропечатать” УКХ: Мол, инженерия плоха! С ним, у руля, крестьянский мальчик, Он говорит, вращая руль: –По реомюру – ровно нуль... (Но не замерз в перчатке пальчик!). Ночь. Электричество давно Им улыбается в окне!» [Крокодил, 1924, № 23, с. 5].

В «Крокодиле» существовали определенные каноны образа «рабочего». В СССР это настоящий титан, который свободен и неутомимо созидает, статью и ростом в несколько раз превосходящий врагов. Одет он, как правило, в производственную одежду с фартуком или комбинезоном на лямках. Фрак, галстук, котелок и цилиндр – атрибуты буржуазии. Головной убор пролетария – кепка. Рабочий обычно гладко выбрит, допускаются усы, но не борода, она отличительная особенность попа и крестьянина. Главный рабочий инструмент и, одновременно, оружие – молот. Им пролетарий разбивает свои цепи. В массе своей пролетарий – сбросивший оковы титан, радостно несущий свет коммунизма отсталым западным собратьям. Но отдельные представители рабочего класса подвержены мелкобуржуазному разложению и не избавились от пороков дореволюционного прошлого. Поэтому на страницах издания присутствует и иной рабочий: алкоголик, пьющий все выходные напролет и на рабочем месте; лентяй и прогульщик, летун и рвач, готовый бросить работу и отправиться на поиски длинного рубля. Пик бичевания отдельных недостатков в рабочей среде приходится на излет нэпа – 1926–1927 годы.

Но уже в 1929-м, в год «великого перелома» и первой пятилетки, рабочий стряхивает с себя разъедающую слякоть нэпа и вновь становится титаном, строящим социализм [История глазами Крокодила. XX век. Слова, с. 38–39].

В 1930-е гг. содержание мифологемы «советского социализма» дополняется понятиями «индустриализация» и «пятилетка», которые стремительно превращают СССР в индустриальную державу. На страницах «Крокодила» по новым дорогам разъезжают автомобили советского производства, поля вспахивают советские трактора, небо бороздят советские самолеты, границы охраняются с применением новейшего советского оружия [Там же, с. 20, 28].

Одним из результатов политики индустриализации является создание «**социалистического (нового быта)**». В «Крокодиле» ярко представлены характерные черты «старого быта»:

Каморка. Серые окна. Занавесочки. Паутина. Стулья и стол. Водка – крепка. Закуска – нехитра. Потом – драка. Свернутые скулы. Похмелье. Тоска. Никакой мечты – сплошная серость. Это у мужиков. У баб – кухня. Сквородка. Корыто. Пеленки да подштанники. Дети орут. Муж лупит. Керосину нету. Глаз подбит. Нос озяб. Бывают и гармошки с балалайками. И танцы. И кино.

Таков старый быт. Он должен остаться в ненавистном прошлом, поскольку, чтобы перенестись из барака в сияющие небоскребы, надо победить старый быт и создать советский образ жизни.

Идиллическая картина нового быта в «Крокодиле»:

Чистота. Простота. Красота. Государственная забота – социальное обеспечение. Красивая и аккуратно одетая женщина в красной косынке следует: в кооператив за молоком; на митинг в честь 8 Марта; на лекцию в рабочий клуб; в секцию кройки и шитья; в хор и драмкружок. Туда же направляется ее трезвый и причесанный супруг. Он не курит махры, не пьет самогона, в свободное время читает газету или посещает парк культуры и отдыха. Там в самодеятельном народном оркестре играет на мандолине или физкультурничает. Вместо пьяной драки – культурный бокс. Стирает дешевая автоматизированная прачечная. Еду готовит фабрика-кухня на 10 тысяч едоков, а умные и добрые девушки в косынках читают малышам в детсаде хорошие книжки. Кругом покой и радость. Только слышны удары ног по футбольному мячу, да стук домино во дворе. В комнате – новые матрас и комод, на ногах – надежные боты «Скоруход».

Считается: если постоянно ругать старый быт – к нему возникнет отвращение, а покажи новый – люди в него и вратуют [История глазами Крокодила. XX век. События, с. 127].

Мифологическая «область тьмы» представлена понятием «капитализм», с которым ведет постоянную борьбу «советский социализм». Капитализм – враг человека труда, существует для эксплуатации пролетариата, порождает смертельный экономический кризис, классовые битвы, вопиющую нищету, злобную полицию, жесточайшее ограбление народа, суд Линча, издевательство над вдовами и сиротами, униженное положение женщины-работницы, зверскую эксплуатацию человека человеком, зоологический капитализм, фашизм и т. п. Рисунок: *Две бродячие собаки роются в мусорном баке. И одна другой говорит: «В этом мусорном ящике нам нечего делать, тут уже были люди».* Обличительные стихи:

«Кризис сжал Европу в лапе, – Вновь старуха на мели: Гаснет вера в римском папе, Скудны верой короли. Жрут безверия микробы Биржи, банки, кабинет... Вера в бога ничего бы! Веры в будущее нет» [История глазами Крокодила. XX век. Слова, с. 82].

Мифологема **«классовый враг»** и его основные разновидности (белогвардейцы, нэпманы, кулаки, попы) широко представлены в «Крокодиле». Признаки классового врага: он чисто и аккуратно одет (нередко в еще дореволюционные вещи), складно говорит, часто употребляет непонятные слова, нередко страдает излишним весом, любит много и вкусно есть, не терпит физического труда. По мере обострения классовой борьбы враг умело маскируется и умудряется проникать даже в ряды партии, занимается саботажем и вредительством. Его основное и ежедневное занятие – разложение несознательного элемента. Классовый враг сеет «бациллы» уныния и неверия, распускает слухи и рассказывает похабные анекдоты, заражает все вокруг себя мелкобуржуазным обывательским подходом к жизни. Для борьбы с классовым врагом практикуются регулярные партийные чистки и чистки аппарата, а также «ежовые рукавицы». В Конституции 1936 г. социализм провозглашается построенным, поэтому классовый враг переименовывается во врага народа [История глазами Крокодила. XX век. Слова, с. 70].

«Белогвардеец» – самый опасный внутренний враг, непримиримый противник советской власти, не признающий компромиссов и не идущий на переговоры. *«Белая гвардия – самая темная и грязная гвардия в мире»* [Крокодил, 1936, № 30, с. 3]. Белогвардейцы ставят целью установление в России своих порядков. Образ белогвардейца на страницах издания – жалок. Это навсегда побежденный враг, который обитает в эмиграции, проедает там вывезенные из России ценности, живет прошлым, ненавидит, клеветает, вынашивает планы реванша. Ради победы контрреволюции белогвардеец готов служить самым темным и зловещим силам капиталистического ада. Изобразительный ряд:

белогвардейцы продают свои антисоветские души британскому лорду; выстраиваются в очередь к Муссолини и записываются в фашисты; белогвардеец на Дальнем Востоке по указке китайских милитаристов пакостит на КВЖД; в Испании – драпаёт от интербригад вместе с армией генерала Франко; в Париже строит грандиозные планы своего триумфального возвращения в Россию в качестве министра финансов и помогает предателям из Промпартии готовить интервенцию; прислуживает японским самураям в банде манчжурских хунхузов. Для очередного воинственного похода белогвардеец достает из пыльного сундука траченную молью полевую форму царской армии с погонами или эполетами, облачается в шинель или бурку, надевает на голову папаху либо офицерскую фуражку с кокардой. Но надежд на падение большевистского режима и триумфальное возвращение в родное поместье с каждым годом все меньше. Мечты белогвардейца все скромнее, он понимает, что старой России не вернуть, и тогда он пыгается возродить царскую Россию в эмиграции, но все «потуги» заканчиваются бесславным походом в «заведение» с русскими «девочками» [История глазами Крокодила. XX век. Слова, с. 62].

«Кулак» в «крокодильской энциклопедии» 1934 г.:

«Особая человеческая разновидность, доставшаяся нам в наследство от дореволюционной России и ликвидируемая как класс. Пробовала вырастать с помощью правых оппортунистов в социализм, но ничего не вышло. Питается мясом, рыбой и слухами о трудностях. Внешность имеет обычную и отнюдь не походит на свои изображения в карикатурах и на плакатах. Голос имеет обыкновенный: тенор, бас или баритон, но регулярно лишается его во время очередной избирательной кампании. Землю обрабатывает с трудом (и непременно наемным). Религиозен, так как верит в страшный суд, на котором думает затеять гражданский процесс против советской власти о ликвидированной лавочке и реквизированном двухэтажном доме. В литературных произведениях выводится очень медленно. Из колхозов, когда успевают туда пролезть, – значительно быстрее. К семейству К. принадлежат также и подкулачники. Последние утверждают, что, поскольку у кулаков отняты двухэтажный домик, лавочка, приколпленный капиталец и почетное место у левого клироса, он уже – стопроцентный бедняк. По этой теории, если у ястреба срезать когти – он уже голубь. А если у Пирпонта Моргана отнять банки, так он уже не Пирпонт, а заря новой жизни. О подкулачниках можно бы рассказать еще многое, но не такие это люди, чтобы на них было приятно останавливаться» [Крокодил, 1934, № 29–30, с. 15].

«Нэпман» – советский буржуй эпохи диктатуры пролетариата, на карикатурах изображается с классическими атрибутами капиталиста – цилиндром и сигарой. «Крокодил» поднимает знамя борьбы с нэповской «нечистью» и на знамени этом пишет: «Смело всадим

в рыло нэпа смеха красный острый нож». Нэп многолик и разнообразен. Он может выглядеть лощеным комиссионером с Ильинки, а может обернуться оборванным мальчишкой-папиросником. Он и мечтающая о пианино кокотка с Тверской, и типичный сторонник «Союза Михаила Архангела» – лавочник в непрменной рубашке навыпуск и туго обтягивающем объемистый живот жилете. «Крокодил» изучает и классифицирует все эти типажи, готовится к смертельной атаке. Для читателей есть несколько объяснений: *1. Нэп не имеет никакого отношения к новой экономической политике. Новая экономическая политика ведет в коммунизм. А нэп – в Ревтрибунал. 2. Нэп – необходимое условие восстановления индустрии. В условиях диктатуры пролетариата рабочий не даст нэпачу вырасти в кровососа-капиталиста. 3. Нэпман – ручной буржуй и в диком капиталистическом состоянии на территории СССР не встречается. 4. Настоящий нэп – это государственные банки и тресты. А частные кондитерские и пивные – лишь гримасы нэпа.* Уже к осени 1923 г. слово «нэп» пропадает из журнала, остаются лишь два производных слова: «нэпман» и «нэпач». Ими обозначаются исключительно враги. К исходу 1927 г. слово «нэпман» пропадает окончательно, а сам нэпман превращается в более нейтрального частника. К январю 1930 г. частник – раздавленный государственным трестом и кооперативной торговлей лоточник, а в 1931 г. исчезает и он: государство окончательно запрещает частную торговлю [История глазами Крокодила. XX век. Слова, с. 72].

Понятийный ракурс деления на область света и тьмы дополняется императивным ракурсом, в котором фиксировались правильные, одобряемые модели поведения. Императивный ракурс позволяет выделить две группы мифологических конструкторов. В первую входят мифологемы, призывающие читателей «разрушать старый мир», «не молиться богу», «не верить в благополучие», «отвергать искусство» и т. д. Вторую группу составляют мифы-императивы: «добей белых», «преобрази мир капитала», «возглавь народный контроль», «осуди врага народа», «останови хулигана» и т. д.

Третий ракурс, представленный на страницах «Крокодила» – персональный. Мифологический флер создавался вокруг отобранных персонажей, олицетворяющих области света и тьмы, одобряемые и осуждаемые модели социального поведения. Персоналии, представленные на страницах издания, можно разделить на категории: «большие люди» (Калинин, Куйбышев, Каганович, Сталин и др.); «чужие люди» (Бриан, Франко, Чернов, Керзон, Гитлер и др.); «культурные люди» (Чаплин, Горький, Шаляпин, Мейерхольд и др.); «деятельные люди» (Красин, Ежов, Шмидт, Изотов, Стаханов и др.); «простые люди» (Ермолаев, Буров, Мустаев, Шабанов и др.). Они наделялись

набором гипертрофированных мифологических черт: предвидением, силой, упорством, талантом, классовым чутьем и т. п.

В 1920–1930-е гг. в журнале «Крокодил» формируется «красно-белая» картина мира, создание советских мифологем идет в трех основных плоскостях. В *понятийной* – происходил отбор и сепарация понятий, в *императивной* – выстраивались «правильные» и «неправильные» модели поведения, в *персональной* они конкретизировались на примере «положительных» и «отрицательных» героев. Такой подход являлся достаточно результативным, что позволяет считать «Крокодил» одним из важных инструментов в формировании советской идентичности в 1920–1930-е годы.

История глазами Крокодила. XX век. Слова. 1922–1937. М., 2014.

История глазами Крокодила. XX век. События. 1922–1937. М., 2014.

Крокодил. 1924, 1929, 1931, 1934, 1936.

Лотман Ю. М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 220–226.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М., 2001.